

АНАТОЛИЙ РЫЖИК

Жизнь в зелёном мундире

КНИГА ШЕСТАЯ. СРВ

Анатолий Рыжик
Жизнь в зелёном мундире.
Книга шестая. СРВ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55732749
ISBN 9785449895400

Аннотация

В очередной книге серии «Жизнь в зелёном мундире» автор рассказывает о своей службе в качестве начальника СРВ (службы ракетного вооружения) – заместителя начальника зенитно-ракетных войск 3-го корпуса Московского округа ПВО. Благодаря прекрасному стилю изложения читатель оказывается как бы внутри описываемых событий – боевых дежурств, полигонных стрельб, происшествий, трудностей, неприятностей и успехов – всего того, чем живёт настоящий офицер.

Содержание

Мысли вслух	7
Глава 1. Не продвигаться вперёд – значит идти назад	11
Часть 1	13
Штаб-с подполковник	14
За начальника	25
Часть 2	41
«Туристы»	42
Нейрохирургия	55
Часть 3	66
Управление корпуса ПВО	67
Сила партии	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Жизнь в зелёном мундире

Книга шестая. СРВ

Анатолий Рыжик

© Анатолий Рыжик, 2020

ISBN 978-5-4498-9540-0 (т. 6)

ISBN 978-5-4496-4316-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Полковник Рыжик Анатолий Игоревич

Мысли вслух

До чего же не хочется начинать писать новую книгу! (*Эта книга писалась в 2009 году*). Спокойнее заниматься чем-то другим, а не «вершить» по Герцену «Былое и думы». (Стоит у меня на книжной полке такой трёхтомник). Тихо анализировать происходящее в жизни, не рассказывая всем о неудачах и не надеяться, что твои успехи могут кого-то порадовать кроме семьи и друзей.

Однако, в моём случае надо.

Хотя бы потому, что дело не завершено. В 2007 году думал: написанное будет читать только семья. Однако, когда ознакомились с содержанием книги «некоторые наиболее свободные от дел родственники» и друзья, а позже первые два тома были тепло встречены в Белоруссии (родственники жены и наши друзья), то читатели начали появляться и на стороне.

А у меня возникла обязанность завершить начатое дело.

Продолжать хронологию событий в шестой книге легче – с той поры прошло меньше времени (*эта книга была написана в 2009 году, прим. 2020 года*). Очень важен и тот фактор что дальнейшая жизнь была более спокойной (чем в четырёх предшествующих книгах) и не вызывает сейчас бурных и противоречивых эмоций. Позволяет спокойнее, а, следовательно, более взвешено рассказать о событиях, происходив-

ших в те года.

Сохранилось больше фотографий, к тому же они стали цветными и хорошего качества. Может, у меня получится, подключить к написанию каких-то моментов нашей жизни дочерей и друзей.

Я уже пробовал – это не встречает никакого внешнего сопротивления, даже наоборот вызывает понимание и поддержку идеи, но....

Ссылку на отсутствие свободного времени никто не делает: как говорят «и ежу понятно – дело не в этом». Причина в том, что когда начинаешь писать о своей жизни, то совсем не просто описать её так, чтобы она была интересна другим.

Монотонность и обыденность кажется мелкой и не интересной для окружающих. Более того, некоторые считают (а у определённой категории людей так и есть) что жизнь протекает так скучно и пусто, что если писать о ней книгу, то получится по Ильфу и Петрову: родился, подстригся, женился и... умер. Тут уже не книга получается, а объяснительная записка самому себе – почему так живешь.

Винить никого не приходится – такую стезю выбрал сам. Дело не в обстоятельствах жизни и работы, не в той ситуации, в которой ты оказался – просто так легче и спокойнее, так устраивает.

Думаю, что с возрастом, снижением энергетики и возможностей организма к такому тихому протеканию жизни все, так или иначе, подходят.

Это понятно и естественно с годами, а пока есть силы, энергия – надо дерзать, добиваться, достигать, бороться, любить, не быть равнодушно – безразличным и тогда будет интересная жизнь, достойная воспоминаний.

Я не о себе – я так.... Мысли вслух.

Тогда о чём я? Да всё о том же – собираюсь поговорить «за жизнь». За свою жизнь...

В предыдущей книге я приводил стихотворение Людмилы Калягановой.

(Напомню: с Людмилой Калягановой мы дружили семьями. Она тоже жена офицера, причём закончившего, как и я Минское Высшее Инженерное Зенитно-Ракетное Училище. Только закончил он значительно раньше – когда был сделан первый выпуск офицеров).

О своих книгах я хочу сказать точно так, как сказала о своих стихах Каляганова:

*Мои стихи – они не сахар
Порою горькие на вкус,
Порой не складные, и все же
Судить их строго не берусь.
Они ларец воспоминаний
Пороховые погреба
В них и любовь до дна испита,
В них и душевная борьба,
В них всё что мне дано судьбою,
Без них я не могу прожить,*

*Ценою, даже дорогою,
За них готова заплатить.*

Лучше не скажешь... я лучше сказать не сумею.

И ещё. Очевидно надо пояснить почему книга называется «СРВ».

Это аббревиатура. Люди старшего поколения знают (мы изучали её в школе) что такую использовал А. Гайдар в своей повести «Р.В.С.» которую написал еще в 1925 году. Р.В.С. означает революционный военный совет (а почему аббревиатура у него с точками – я не знаю).

Р.В.С. был высшим управляющим органом Рабоче-Крестьянской Красной Армии. (Первым председателем РВС был Лев Троцкий).

Так вот – я никакой параллели с Гайдаром не провожу. Просто совпали буквы.

СРВ – Служба ракетного вооружения (корпуса).

О моей службе в должности начальника службы и жизни в этот период времени пойдёт рассказ.

Надо отметить что зенитные войска 3 корпуса ПВО (г. Ярославль) были солидно вооружены. Не буду перечислять всё, скажу только о количестве полков и дивизионов.

– Девять полков и одна бригада.

– Пятьдесят четыре зенитно-ракетных дивизиона.

– Десять технических дивизионов.

Служба была сложная, но очень интересная.

Глава 1. Не продвигаться вперёд – значит идти назад

*Non progredi
est regredi*

**Не продвигаться вперед
- значит идти назад**

Часть 1

*Живёшь покоем дорожа,
Путь безупречен, прям и прост...
Под хвост попавшая возжжа
Пускает всё коту под хвост*

Штаб-с подполковник

Штаб корпуса находился в центре города. Мой кабинет оказался достаточно большим, с высоченными потолками и выходил окнами на часовню Александра Невского (улица Андропова).

Должность я принимал у полковника Власова – того самого у которого принимал должность и в полку. Власов уходил на пенсию и все мысли его уже были вне проблем корпуса, а тем более не в русле качественной передачи должности.

Минут тридцать он отвечал на мои вопросы. Затем ему это надоело. Он сказал, что я вникну сам, и ему незачем мне морочить голову. Указал на множество бумажек, разбросанных на столе, на которых были какие-то записи. Назвав их «лапырками», сказал, что всё самое проблематичное в службе он записывал на них.

Посоветовал: если возникнут у меня вопросы – поискать в этих «лапырках» нужный ответ. Затем сказал офицерам (двух подчиненных отделов) «до свидания» и больше я его никогда не видел.

Встретили меня на новом месте очень настороженно. Это я понимал: офицеры отделов зенитно-ракетных войск корпуса – это бывшие «проверяющие», которые определяли уровень моей подготовки и качество службы. В основном это порядочные офицеры, болеющие за дело службы. Однако,

как и во всех служебных иерархиях была пара надменных людей с высокомерным отношением к окружающим. Всё бы ничего, но как-то запоминается, когда тебе указывают как надо «служить Родине», те кто-сами-то не очень... Да, ладно. Я должен был иметь это в виду и сбросить предвзятость, понимая, что они враз стали подчинёнными.

Все офицеры вели себя по-разному. Кто-то сразу понял своё место, кто-то мялся, не зная, как себя вести дальше, кто-то выглядел смущённым.

Самое интересное, что «пара надменных» решила выступить в роли моих советников!

Воистину горбатого только могила исправит.

Служба в корпусе отличалась существенно от предыдущих мест. Она была сложна и более ответственна. И ещё важная особенность – очень частые командировки по шести областям – так были размещены части и на два полигона, где они выполняли боевые стрельбы.

Работать приходилось очень много: изучать особенности боевого управления, боевые задачи, боевые возможности, специально-техническое обеспечение боевых действий корпуса.

Сложностью новой должности являлось то, что основной обязанностью (кроме боевого управления войсками ЗРВ) было поддержание зенитно-ракетных войск в боеготовом состоянии.

Моя должность в полном звучании называлась «замести-

тель начальника ЗРВ – начальник службы ракетного вооружения».

Должность со штатной категорией «полковник».

До получения этого звания мне оставалось два с половиной года, так как временной интервал между подполковником и полковником составлял пять лет. Этот срок выдерживался жестко, а досрочно получить воинское звание можно было только за героические поступки.

Служебные задачи в новой должности, а, следовательно, и проблемы выросли пропорционально количеству подчиненных полков – в десять раз.

Полками ЗРВ третьего корпуса ПВО были части, дислоцированные в шести административных областях, расположенных территориально с большим разбросом. Возле городов или в самих городах: Вологда, Рыбинск, Череповец, Кострома, Переславль-Залесский, Котлас, Верхневольск, Кимры, Уйта и мой родной в Ярославле. Чтобы владеть положением дел в частях и оказывать им помощь, приходилось часто выезжать в них. А самая большая доля всего времени от командировок приходилась на полигоны с частями ЗРВ.

Полки стреляли раз в два года, то есть пять раз в год по 15—20 суток я жил на полигонах.

Вот и весь подсчёт: суммарно-ежегодная длительность командировок доходила до 250 – 280 дней.

В семейном фотоальбоме сохранился перечень городов, в которых я побывал в этот период жизни. Это список состо-

ит из сорока одного города посещённого мной в 1986 году. В 1987 году я выезжал в тридцать семь населённых пунктов, но это количество не совсем точно – ведь в некоторых местах за год побывал не один раз!

Прибывая на новое место, я при первой же возможности, устраивал себе экскурсии по городу или посёлку. Сейчас от всех этих «экскурсий» остались жалкие отрывки воспоминаний, а все вокзалы слились в один средней величины и одинаково покрашенный.

Подчинённый мне отдел службы ракетного вооружения состоял из восьми офицеров со штатными категориями «инженер—подполковник».

Как я упоминал отдел службы ракетного вооружения был укомплектован достаточно грамотными и зрелыми людьми, прошедшими войска. Некоторые пришли на свои должности, как и я – из заместителей командиров полков по вооружению. Почти все офицеры были старше меня и все (кроме одного) были подполковниками.

Второй отдел – боевой подготовки тоже мне был подчинён как заместителю начальника ЗРВ. Им руководил полковник Мурашов (бывший мой начальник – начальник штаба бригады в Череповце).

В боевой подготовке войск я практически не участвовал и не встречал в управление этим отделом. Конечно не из-за того, что стеснялся своего бывшего начальника штаба – он был достаточно опытен, а у меня прямых обязанностей и так

по горло. Совсем другое дело, когда оставался за начальника ЗРВ – не куда деться.

Начальник ЗРВ корпуса – полковник Сытник был хорошим начальником, не теряющим чувство юмора даже в сложных ситуациях.

Он много читал, но особенно любил финского писателя Мартти Ларни.

Борис Онуфриевич Сытник

В разговоре Борис Онуфриевич сыпал цитатами из его произведений: «Прекрасная свинарка или история, о которой умалчивают», «Четвёртый позвонок», «Хоровод нищих» и ещё каких-то, которые я не читал. Все эти книги – юмористическая проза и естественно для коренного одессита «хлеб насущный».

Точнее: «сыпал цитатами» не совсем то выражение – он всегда удачно их использовал в разговоре и общении с людьми. Ведь употреблять выученное где попало – это

не для большого ума. А вот в самый необходимый момент выдать «на-гора» что знаешь – талант.

Некоторые из его выражений я помню:

– «Вы ведёте себя как слон в посудной лавке...»;

– «За слова платят только на телеграфе...»;

– «И женский бюстгальтер доставляет удовольствие, если он висит на спинке стула...».

Борис Онуфриевич был отлично подготовленным офицером и руководителем. Знал технику, её эксплуатацию и боевую работу на ней. В обычном общении речь Сытника содержала множество анекдотов и афоризмов, причём (что очень важно) делалось это, как я уже упоминал, вовремя и к месту. Он совершенно не боялся «юморнуть» над начальниками, причём не за их спиной, а при них. Это было крайне опасно, так как некоторые из них не имели чувства юмора. Тем не менее это сходило ему с рук. Мне запомнился один такой случай.

В Москве, в штабе округа Командующий собрал совещание руководящих должностных лиц зенитно-ракетных войск. Во время выступления заместителя Командующего (им к этому времени был генерал Бильчанский) Сытник пошутил так, что все присутствующие на совещании давились от смеха несколько минут.

Причина хохота заключалась в следующем: генерал Бильчанский в выступлении, желая подчеркнуть свое новое, генеральское положение раскатистым медленно-рычащим ба-

сом произнёс:

– «В своём служебном росте я достиг таких высот...» – и тут Сытник, подражая его голосу, громко, вставил:
– «Что даже родственников не замечаю!».

Любого другого Бильчанский бы стёр в порошок – он не любил юмор вообще, а в отношении себя – в частности. Может быть только потому, что он сдал должность начальника ЗРВ 3-го корпуса Сытнику и тот был его приемником, всё мирно закончилось. Но эту шутку лично я оцениваю, как «высший пилотаж», особенно в армейских условиях.

На сборах и совещаниях высокого уровня достаточно часто происходили непреднамеренные смешные ситуации, но только с теми офицерами кого вызывали на совещания, а не с теми, кто проводил их. О двух таких случаях, свидетелем которых был сам, расскажу.

Первый случай – армейская классика. Он произошел с Юрой Фединым, когда тот был заместитель командира бригады в Череповце.

(До сих проводя какие – либо застолья мы нет – нет да припомним этот случай и посмеёмся).

Это произошло на сборах в Москве. Командующий зенитно-ракетными округами войсками проводил совещание.

В какой-то момент голос его повысился, и он возмущенно сказал:

– «Некоторые офицеры из руководства частей округа по-

теряли чувство реальности, меры и такта. Я бы даже сказал более того – начали хамить. Как иначе можно трактовать шифрограмму, присланную во время проводимых учений Командующему войсками из Череповецкой гвардейской бригады? Замкомбрига подполковник Федин доложив о состоянии вооружения и техники, сумел додуматься до полного идиотизма – шифровку Командующему войсками он подписал: ЦЕЛУЮ ФЕДИН»! Хорошо хоть не указал место поцелуя!». Все офицеры на совещании были ошарашены услышанным. Стояла полная тишина – было ясно: тут не до смеха. Мы недоумевали от услышанного – этого просто не могло быть!

В перерыве совещания все присутствующие бросились к Юре Федину за пояснениями такого «крутого» и чреватого тяжёлыми последствиями поцелуя. Смущённый Федин пояснил:

– «Вы чего думаете? Что я сошёл с ума или у меня заклинило? Разве я самоубийца посылать Командующему поцелуи?

Разве я мог предполагать, что так получится!

Сейчас расскажу, как было дело: шли учения. Всё происходило как обычно: в положенное графиком время я написал доклад о состоянии вооружения, дал шифровщику, тот зашифровал.

После этого я дал ему команду передать шифровку в округ.

Шифровщик мне задал глупый вопрос:

– «Товарищ подполковник! А надо ли телеграмму подписать? Если надо, то кем и как подписывать?».

Я возмутился: как будто в первый раз передаём такие шифровки! (Откуда мне было знать, что это молодой солдат и он только что пришёл из учебного отряда. Более того это была его первая шифрограмма).

Ну, и сказал:

– «Если не знаешь, как подписать – подпиши «Целую» и поставь мою фамилию.

Солдат так и сделал. А результатом этой перипетии стал мой злосчастный «поцелуй Командующего».

Второй интересный случай произошёл на сборах с главными инженерами округа ПВО по организации эксплуатации вооружения и подведении итогов за год в частях.

В последний день сборов, когда шло подведение итогов, первое место присудили Костромскому зенитно-ракетному полку. Проводящие сборы окружные начальники хвалили руководство полка, рекомендовали всем частям взять на вооружение опыт их работы.

После дифирамб костромичам и назидания остальным наступила кульминация подведения итогов – вручение переходящего приза.

Вручив, дали выступить с ответным словом «заверения в дальнейшем стремлении к совершенству и благодарности

вышестоящему командованию» главному инженеру полка (заместителю по вооружению) подполковнику Малашонку. Он должен был рассказать о своём упорном труде, благодаря которому он смог завоевать первое место среди частей округа, то есть просто говоря поделится передовым опытом.

Малашенок вышел к трибуне и заикающимся от природы голосом начал делиться опытом:

– «В позапрошлом году я ра -работал, ра-работал как ло-лошадь, не жалея сил и личного в-времени, а м-меня ру-ругали и ру-ругали!

Были од – одни н-неприятности! Чего тут гово-рять ни ка-а-кой б-благодарности!

Прошлый г-год я ра-работал, ра-работал е-ещё б-больше: д-день и н-ночь. И что вы д-думаете? Опять н-никакого т-толку!

Пре-е-дпоследнее место да-дали!

А в эт-т-том г-году я д-думаю: д-да ну вас с ва – вашей службой! И в-весь г-год н-ничего не д-делал!

И вот р-результат: п-первое м-место з-занял!».

Самое удивительное что Малашенок это говорил не в шутку (она на таком уровне опасна), а бесхитростно и искренне, совершенно не думая о последствиях.

Говорят, что чем проще человек выражается, тем легче его понимают. Его поняли....

До самого увольнения из армии Малашонка костромской полк призовых мест больше не занимал.

Это курьёзы, которые происходили на совещаниях. А в целом это были очень серьёзные и нужные плановые мероприятия, которые давали многое. Это и обмен опытом, и знакомство с такими же, как и ты заместителями по вооружению, и анализ того что сделано и как сделано. Это постановка задач и планирование на будущее.

Однако самым главным и положительным в этих мероприятиях мы считали возможность отвлечься от текущих дел, сменить обстановку и пообщаться (не только в аудиториях, но и в ресторане).

За начальника

Около полугода я изучал и вникал в должность. Время пролетало стремительно и интересно. Ездил по полкам в составе комиссий с проверками и «оказанием помощи» (в ка-вычках – потому что основное в поездках это контроль за положением дел).

Иногда выездные группы возглавлял полковник Сытник, такая поездка была интересна и поучительна – у Бориса Онуфриевича было что позаимствовать в умении управлять частями ЗРВ и в общении с офицерами отдела. Сказывался его большой опыт приобретённый, когда он ещё командовал полком.

Ездили мы на машинах и поездках. В дороге питались где получится. В выездную группу иногда включались не только офицеры отдела ЗРВ, но и работники штаба. В таких случаях положен был быть инструктаж по взаимодействию в работе.

Инструктировал группу Сытник в свойственной ему манере. Серьёзная и продуманная постановка задач заканчивалась так:

– «Подполковник Скворцов! Вы с нашим отделом едете в командировку впервые и на несколько суток. Предупреждаю: перед дорогой и в дороге не вздумайте есть гороховый суп. Это важно, потому что нам потом всю ночь будет гроза сниться, а среди нас есть офицеры, которые её ужасно не лю-

бят».

Но такие армейские шутки у Сытника проскакивали крайне редко – юмор его (как я уже упоминал) был высшего пилотажа.

Командиры полков Бориса Онуфриевича чтили и прислушивались к его рекомендациям и приказаниям. Он мог мгновенно переключиться из юморного полковника, полущутя указывающего на увиденные недостатки, в строгого, решительного и принципиального начальника. Командиры полков это знали и не расслаблялись от шуток, понимая серьёзность замечаний, которые предстоит своевременно устранить. Иначе будет крутой спрос – всё, что делалось в полках ЗРВ было у нас на контроле.

Руководство выездными группами с весны было возложено на меня – начальник ЗРВ начал выезжать на плановые боевые стрельбы с частями корпуса на полигоны: Ашулук и Сары-Шаган.

Благодаря полковнику Сытнику я уже видел, как надо работать на выездах и старался так делать. Конечно, название должности не даёт авторитета, а только является одной из составляющих, поэтому порой приходилось сложно. Командиры полков Сытника воспринимали как главного среди равных, а я пришёл с должности заместителя командира полка, как говорили «из инженеров». Однако, это неустойчивое восприятие продлилось не долго – помог опыт четырёх-летнего командования дивизионом и поддержка начальни-

ком ЗРВ.

Не прошло и полгода моего пребывания в должности как на меня опять навалилось: полковник Сытник был назначен на генеральскую должность в Тбилисскую армию ПВО. Для меня это было крайне нежелательно по трём причинам.

Первая – я ещё недостаточно освоил свою должность.

Вторая – назначение Сытника очевидно оказалось неожиданностью для руководства корпуса и ему не подобрали замену. Назначать должны были кого-то из командиров полков корпуса (и только из командиров полков), а это могло затянуться (и затянулось) на долгое время.

Третья причина – следствие из первых двух: мне предстояло длительное время находиться сразу на двух должностях. А точнее – исполнять должность начальника ЗРВ без заместителя (начальника СРВ).

Я понимал, что при таком малом пребывании в должности и мизерном опыте работы, возникший вариант очень сложен и чреват серьёзными неприятностями. Перед убытием при сдаче мне Борисом Онуфриевичем дел я посетовал:

– «Ну как так получается... Совсем неожиданно и совсем не хорошо для меня. Может быть кого-то из командиров полков временно...».

На что Сытник в свойственной ему манере остановил мои переживания:

– «Не всегда знаешь, что может получиться и каким боком выйдет. Надо быть готовым ко всему, тогда не будет неожи-

данностей.

Смотри сам. Однажды мужик приехал в Одессу и решил купить пива. Протянул деньги продавцу и зная, что в Одессе сдачу всё равно не дадут, промолвил:

– «Без сдачи». В ответ продавец ему протянул несколько копеек мелочи. Мужик гордо говорит:

– «Я же сказал – без сдачи!». А продавец отвечает

– «Без кипиша дядя, и шо ты волнуешь нервы? Пива таки нет!».

(Кипиши – суета, переполох).

Вот и все пожелания от Сытника – «без кипиша!».

После этого анекдота я принял почти на год должность начальника ЗРВ 3-го Корпуса ПВО.

На организованном полковником Сытником сабантуе *(праздник окончания полевых работ у татар и башкир)* я, говоря тост сказал, что являюсь должником Бориса Онуфриевича за выдвижение на должность его заместителя.

Сытник меня прервал, на этот раз без анекдота и очень серьезно произнёс:

– «Толя, ты никому и ничем в этом мире не обязан кроме своих родителей! Пойми это, и не сковывай себя кандалами не существующего долга. Не навязывай себе его. Совсем другое дело – у всех нас есть обязанности, и мы должны их выполнять. Надеюсь, ты понял меня».

Нет, в то время я не совсем понял его. Сложно было по-

нять, так как сходство этих понятий заключаются в обязательном выполнении чего-либо. Мне казалось, что между этими определениями тонкая грань...

Сейчас я «дорос» до понимания что долг – личное обязательство, а обязанность – навязанное кем-либо условие для обязательного выполнения.

Естественно, что между понятием «долг» и «обязанность» огромная дистанция.

Уход из корпуса такой мощной и значимой фигуры как полковник Сытник сказался на мне и офицерах отдела.

Возникло много новых проблем связанных с выполнением сложных задач.

Основные это, конечно, выполнение боевых стрельб всеми десятью частями ЗРВ корпуса. Теперь мне приходилось участвовать не только в подготовке вооружения к стрельбам, но и контролировать подготовку расчётов. Полковые стрельбы проводились на государственных полигонах раз в два года, и выполняющие задачу части равномерно распределялись по весенне-летне-осеннему графику. Интервал стрельб между полками обычно составлял до месяца. От корпуса назначался помощник руководителя стрельбы (руководителем всегда был начальник полигона), обычно начальник ЗРВ.

Осень 1986, весну и лето 1987 года я провёл на полигонах. Основные выезды были в Приозёрск (Сары-Шаган), так как в Ашулуке полки стреляли значительно реже. Моя роль

при выполнении стрельб была совершенно другой чем в бытность командиром дивизиона и даже заместителем командира полка. Теперь я не грузил эшелоны и не тряся в них, а вылетал на самолёте из Москвы и через четыре часа приземлялся на военном аэродроме Приозёрска с причудливым позывным «Камбала».

Несколько раз даже получалось так: вернусь домой, а через неделю снова вылет на «Камбалу». По прилёту на полигон в аэропорту встречает меня и сопровождающую группу отдела ЗРВ УАЗик стреляющего полка и везёт нас на стрельбовые площадки.

Размещался я не в палатках и не штабных машинах, а в гостиницах полигона, предназначенных «для белых людей». Конечно, это не пятизвёздочные отели, но наличие сантехнических удобств даже в некоторых номерах кондиционера было шиком для тех мест

Все эти подвижки к лучшему быту не радовали – полигон есть полигон: в случае неудачных стрельб спрос был и с меня. А, ввиду большого количества стрельб, повышалась вероятность появления неудачных. С этим мне повезло: за время моих поездок на полигон ни разу оценки полков не опускалась ниже чем «хорошо». Заслуга в этом не моя.

Стрельбы велись в основном ЗРК большой дальности С-200 с ракетами оснащёнными головками самонаведения и высокой эффективностью поражения.

Стрельбы велись в основном ЗРК большой дальности С-200

Надо отдать должное и хорошей подготовке полков к стрельбам.

Так получилось, что я дважды ездил выполнять стрельбы с Вологодским полком, которым командовал мой однокашник по учёбе в Минске – Урузмаг Огоев. Эти выезды нравились мне больше всего, так как Урузмаг умел принимать гостей даже в условиях пустыни.

Застолья начинались с самого приезда на полигон, но в преддверии стрельб они делались скромными и малочисленными. Это были скорее затянувшиеся разговоры за столом и проходили они без алкоголя – в воздухе звенело напряжение.

После того, как полк выполнял отлично боевую задачу, границ в праздновании победы не просматривалось. Отлич-

ная оценка в Вологодском полку встречалась как величайшее событие и сопровождалась протяжённостью празднования, нагрузками на печень и множественными тостами. Удачно выполненным стрельбам офицеры радовались искренне, понимая, что это результат их кропотливой работы за два года.

Самое важное: обе стрельбы Вологодского полка были проведены на хорошем уровне, и в обоих случаях была получена оценка «отлично».

В одну из таких поездок я по дальней связи доложил Комкору генералу Майорову, что Вологодский полк выполнил стрельбу и уничтожил все мишени.

Сообщил о том, что скорее всего результат будет отличным, но это будет ясно только после подсчёта инструкторами полигона всех составляющих оценок и подведения итогов. Когда это всё будет выполнено – последует погрузка полка в эшелон.

Генерал Майоров поздравил с предварительным результатом: ведь когда сбиты все крылатые мишени оценка ниже чем «хорошо» не бывает. Затем он спросил:

– «А когда полигоном будет проводиться разбор стрельбы?».

– «Через четыре дня, товарищ генерал!» – ответил я.

Комкор задумался, а потом произнёс:

– «Толя (он так меня всегда называл в неофициальной обстановке с тех пор как я начал выполнять обязанности на-

чальника ЗРВ), пожалуй, завтра я к Вам вылечу на самолёте. Что-то устал, замучила текучка.

Раз всё отлично и нет проблем, то приеду как бы на подведение итогов. С собой никого из корпуса брать не буду – прилечу один. Пару дней отдохну у Вас. Отпразднуем победу вместе. Встреть меня в аэропорту».

Я, конечно, встретил его на аэродроме «Камбала», привёз и разместил в гостинице полигона. Ближе к вечеру, когда Валентин Николаевич отдохнул после перелета, заехал за ним, и мы выехали в боевые порядки полка.

Мы просидели в разговорах всю ночь – благо командир полка Урузмаг Огоев обеспечил накрытие столов с широким размахом.

Сары-Шаган 1986 год. Слева направо: автор книги и.о. начальника ЗРВ 3 корпуса ПВО подполковник Рыжик Анатолий Игоревич, командир 3 корпуса ПВО генерал Майоров Валентин Николаевич, командир Вологодского полка подполковник Огоев Урузмаг Созрыкоевич

Через пять дней на полигоне состоялось подведение итогов стрельб, на которых Вологодскому полку была выставлена отличная оценка.

Надо отметить что в обычной обстановке командир корпуса генерал Майоров был очень прост и его пребывание на полигоне нас не тяготило. Он даже требовал, чтобы я и Урузмаг обращались к нему в неофициальной обстановке по имени отчеству – Валентин Николаевич.

Подводя итоги своего посещения, генерал сказал, что ему всё понравилось, что отдохнул хорошо: почаще бы так стреляли и... так отмечали победу.

Боевой расчёт Вологодского полка

После подведения итогов из Приозёрска я вместе с генералом Майоровым вылетел самолетом в Ярославль. А Вологодский полк ещё оставался на полигоне, ожидая подачи эшелона. И только через пять суток Огоев медленно поплёлся вместе со своим эшелоном в Вологду.

Как-то в одну из очередных командировок я возвращался с группой офицеров домой (в Ярославль) после проверки состояния дел в Верхневольском полку. В купе был накрыт стол – мы ужинали. Ничего особенного – обычный дорожный ужин в командировочном варианте – что Бог послал.

Четвёртое место в нашем купе занимала пожилая женщина. Она сидела с отсутствующим взглядом и постоянно плакала – слезы не сходили с её глаз. Мы, желая как-то ей помочь (не вредя расспросами типа «что случилось»), предложили поужинать с нами. Она отказалась, сказав, что ей не до еды, что у сына выскочили на голове какие-то шишки и врачи определили – рак крови.

Я насторожился: у меня на затылке тоже появился какой-то желвак, но времени сходить к врачу не находилось. Я попросил женщину пощупать мой затылок:

– «Посмотрите, надеюсь шишки не такие?».

Она внимательно потрогала мой желвак, грустно посмотрела мне в глаза и произнесла:

– «Вот именно такие, мил человек!».

После её слов по моей спине мгновенно потекли ручьи пота, а лоб покрылся испариной.

Теперь в нашем купе не могли пить и есть двое....

На следующий день после приезда я был в военном госпитале, в отделении поликлиники у врача – хирурга.

Нашлось и время, и желание.

Тот, недолго думая, вынес мне вердикт – фурункул, надо оперировать.

Я засомневался в правильности диагноза, говоря, что фурункулы у меня бывали, они не такие, да и срок существования «шишки» более трех месяцев. Фурункул столько бы не торчал на затылке, а давно бы вскрылся или рассосался.

Хирург (полковник – старпер отслуживший срок в армии) настаивал на своём решении:

– «Ложись на стол, работы на пять минут...»

Операций я не боялся, да и давно пора было разобраться со зловредным желваком, дабы не бросало больше в пот при думах о его возможных причинах. Поэтому я, совершенно не задумываясь о последствиях, которые могут возникнуть согласился. Фурункул вырезать не проблема, проблема в том, что я забыл анекдот.

«Говорят, что самая опасная в военных медучреждениях это операция на железы, потому что всё оперируется в армии через задницу...»

Меня уложили животом на операционный стол, и эскулап приступил к операции. Что-то у врача не заладилось с самого начала. Наркоз был сделан местный и посему я мог спокойно анализировать происходящее, но только сначала...

Какие там обещанных эскулапом пять минут!

Прошло полчаса...

Картина операции к этому моменту выглядела так. Я лежал животом в небольшой луже крови, которая стекала тонкими струйками, щекоча мне шею. Хирург резал, промокал и снова резал. Неожиданно он закричал медсестре:

– «Беги в стационар (он и поликлиника в одном здании), срочно зови хирургов на консилиум».

Я заволновался...

Достаточно быстро прибежали два хирурга из стационара, пошептались и пришли к выводу: надо зашивать сделанный разрез.

На мой вопрос что случилось, вразумительных ответов никто не дал.

Сказали только то, что лечение продолжат в стационаре (я не собирался ложиться в госпиталь, но понял раз что-то пошло не так, значит надо как говориться «доводить до ума»). После того как зашили затылок меня увезли в стационар.

На следующее утро комкор генерал Майоров прислал ко мне в госпиталь целую делегацию. Ей была поставлена задача разобраться, что случилось и надолго ли попал в госпи-

таль – через пять дней я должен был вылететь в Сары-Шаган помощником руководителя стрельб. Боевую задачу выполняла Череповецкая бригада и на меня уже заказан билет на самолёт.

После «наезда» корпусной делегации и требования комкора, начальник госпиталя пообещал меня быстро поставить на ноги.

Слово он своё сдержал.

А поставили очень просто – трое суток я провалился в палате на каких-то таблетках и всё лечение! Так я мог себя «поставить на ноги» и сам, даже на следующий день.

Мне никто и не смог пояснить (очевидно, не хотели говорить правду, но я и сам уже начал догадываться) что за «операция» мне была сделана и каков её результат. Я понимал, что этим дело не закончится, так как толковые хирурги сказали, что Эскулап только разрезал опухоль.

Итак, через трое суток меня выписали, а через четверо суток я уже летел самолётом в Приозёрск.

Мой вид вызывал у людей, находящихся в самолёте, у кого удивление, у кого соболезнавание: затылок был частично выбрит, заклеен толстым слоем ваты, поверх этого пластырем и перебинтован. Фуражка на голове не умещалась, поэтому при передвижении я держал её в руках.

В самолёте сзади сидящий малыш спросил у своей мамы: – «Что случилось с дядей? Он упал и ударился или летит с войны?»

Я спинным мозгом чувствовал недоумение сидящих сзади, а не только одного ребёнка.

«На всякий случай» летел на полигон я не один: Комкор официально назначил помощником руководителя стрельбы своего первого заместителя – полковника Горба Владимира Николаевича с задачей представлять руководство корпуса на полигоне.

С моей перебинтованной головой и выстриженными клоками волос нельзя было ходить по инстанциям и представляться руководству полигона. Как не крути, а встречают по одежке. Ведь всем не объяснить, что не по пьяни вся эта «красота» получилась, а просто эскулап бестолковым оказался.

К тому же рана сильно кровоточила и мне периодически надо было менять повязку.

Это было поручено майору – начальнику медсанчасти из состава Череповецкой бригады.

Основные решения по выполнению как учебных, так и боевых стрельб должен был формировать я и докладывать заместителю командира корпуса.

Генерал Майоров определил ему функцию чисто «представительства», сказав всё остальное должен делать Рыжик.

Заместитель командира корпуса Горб Владимир Николаевич (фамилии бывают и хуже) стал полковником в тридцать два года. Он был летчиком-ассом, который в своё время выполнял на истребителе лётные задания на предельно-малых

высотах – ниже 50 метров. Достигнув тридцати восьми лет отроду, он перестал летать.

Должность у него была генеральская. Владимир Николаевич был прост в обращении, без малейшего намёка на самовыпячивание. В нём не сквозило ни малейшей тени превосходства несмотря на заслуги: летчик-снайпер, два ордена....

С ним было легко решать задачи, стоящие перед нами на полигоне. С самого начала нашего взаимодействия он сказал:

– «Анатолий Игоревич! Я мало смыслю в зенитно-ракетных войсках и мешать не собираюсь. Вы руководите всеми делами, а если надо будет где-то вмешаться мне – говорите».

Так мы и работали.

Часть 2

*Нет сильнее терзающей горести,
Жарче муки и боли острей,
Чем огонь угрызения совести;
И ничто не проходит быстрее.*

«Туристы»

В конце стрельб, когда бригада выполнила задачу, и оставалось время до проведения полигоном разбора учений, Владимир Николаевич сказал мне:

– «В Алма-Ате живет мой самый первый авиационный, войсковой преподаватель: летчик-инструктор который учил меня летать на МИГах.

Великолепный человек, с тяжёлой судьбой. Он чрезмерно любил авиацию, любил так, что остался без семьи».

Мне было любопытно, но я не стал задавать уточняющих вопросов о причинах потери летчиком семьи, а Владимир Николаевич эту тему не стал развивать, продолжив:

– «Достаточно давно он уволился из армии и остался жить в Алма-Ате, получив хорошую квартиру. Я его не видел сто лет, поэтому хочу к нему съездить. Вот что я думаю: давайте поедем завтра в Алма-Ату на УАЗике комбрига Череповецкой бригады. Побудем там пару дней и обратно. Вы хотите прогуляться по Алма-Ате и посетить Медео?».

Я был шокирован: вот это да!

Я понимал, что для лётчика 500 километров не крюк, но как Владимир Николаевич собирается добраться из Сары-Шагана до Алма-Аты на УАЗике, не мог себе даже представить.

Для лётчика 500 километров не крюк

Дорогу мы не знали, по степи никаких указателей не стоит, и дорога как таковая отсутствует – кругом ровное поле. Тут и заблудиться не проблема, а спросить не у кого.

Невольно пришёл в голову старый анекдот, который я рассказал Владимиру Николаевичу.

Заблудился мужик в лесу. Идет по лесу и орет во все горло:

– «Ау- ау – ау – ау – ау!»

Вываливается ему на встречу из кустов медведь и спрашивает:

– «Чего орешь?»

– «Да вот заблудился, думаю, может кто услышит...»

– «Ну, я услышал, легче стало?».

В ответ на мой анекдот полковник Горб сказал:

– «Смешно, очень. Только если Вы хотите побывать на Медео, то бояться медведя не надо».

Конечно я хотел. Однако попытался в последний раз обратить внимание полковника на сложность предпринимаемого мероприятия:

– «Но как ехать, не зная дороги. Темнеет рано, только если по карте..., но я в навигации слаб. И ещё важный момент: в степи кругом дорога, но нет заправок. Где взять бензин?».

Но и эту мою попытку остановить выезд рассеял Владимир Николаевич. В успехе поездки у него не возникало никаких сомнений:

– «Задачу комбригу по подготовке машины я поставлю. Навигацию до первого крупного населённого пункта я беру на себя, а дальше разберёмся.

Всего-то нам проехать от стрельбовых площадок полигона до Алма-Аты каких-нибудь пятисот километров. Ерунда! Вас мучают сомнения как будто мы собрались в Америку!».

Я ещё раз убедился в справедливости народной мудрости. Если перефразировать в моей интерпретации, то она звучит так: рождённый ходить даже в мыслях перемещаться как лётчик не в состоянии.

Начали готовить выезд. Бензина с собой в дорогу на такой путь не наберёшь, да и перегружать машину канистрами

не хотелось. Кроме перегруза была ещё причина: в такую жару канистры с бензином нагреваются и парят, воняя – можно задохнуться.

Решение опять же нашёл Владимир Николаевич. Он приказал взять бензин... спиртом! То есть получить в Череповецкой бригаде тридцать литров спирта. (Этим он ужасно расстроил комбрига, даже сильнее чем предстоящим тысячекилометровым пробегом командирского УАЗа). И это вполне понятно – спирт командиром бригады планировался для использования в качестве международного эквивалента денег.

Замкомкора уверенно заявил:

– «Даже если он будет в машине от жары парить, то от этого не умрем. Будем менять его у встречных машин на бензин в соотношении один к пяти, а может быть и более».

– «А если не будет встречных?» неуверенно возразил я. Однако мой вопрос повис в раскалённом воздухе проигнорированным, без ответа, а вместо него:

– «Вы лучше Анатолий Игоревич не забудьте запастись у начальника тыла бригады сухим пайком на трое суток. На водителя и на нас двоих».

В Алма-Ату с нами попросился ехать ещё один человек – заместитель командира 6-й радиотехнической бригады полковник Петров. Он руководил действиями радиотехнических войск на стрельбах. У Петрова в Алма-Ате жили то ли родственники, то ли первая школьная любовь – слишком за-

путанно он объяснил причину своего желания ехать. Однако Владимира Николаевича, а тем более меня это не интересовало и согласие Петрову от заместителя комкора было дано.

Выехали только чуть начало светать. Дороги были накатаны – они как вены тянулись по всей степи и клубились пылью даже от перемещения сусликов. Стояла невыносимая жара.

Вскоре после начала пути мы были покрыты сантиметровым слоем пыли и выглядели бело-серыми альбиносами. Ехать было монотонно и совсем не интересно, к тому же, ехали молча – жевать пыль, набивающуюся во все открытые отверстия, совсем не хотелось. Как и предполагали – главное было не ошибиться в направлении движения – никаких указателей вдоль множества дорог не было (может в настоящее время что-то появилось, но тогда... тогда кроме Владимира Николаевича уверенности что едем правильно не было ни у кого).

Периодически полковник Горб смотрел на карту, затем на компас и дорогу. После этого давал необходимые команды водителю. Порой мне казалось, что он и в самом деле знает куда надо ехать. Я его спросил откуда знание навигации – он же не штурман.

– «Лётчик должен уметь добираться до места даже без самолёта» ответил Владимир Николаевич.

– «Это значит, когда сбывают?» – неудачно спросил Петров. Но, замкомкора не обиделся:

– «В любых случаях».

Иногда нам встречались какие-то поселения, но очень мелкие – пять семь что-то типа сараев. В них мы кое-как корректировали направление движения, вернее, это делал заместитель командира корпуса.

В памяти от той дороги осталась только пыль, жара, и обмен спирта на бензин с очень редкими встречными машинами. Бензин выменивал я с водителем. Такое решение принял полковник Горб:

– «Анатолий Игоревич, у Вас перебинтована голова и такой вид, что любая встречная машина тормознёт» и пошутит:

– «Главное, чтобы от испуга водитель не развернулся...».

Кстати: в дороге мы при первой же возможности меняли спирт на бензин, так как встречные машины почти не попадались.

По этой причине, только пройдя три четверти, пути до Алма-Аты, мы смогли совершить первый спиртово-бензиновый обмен. Оказалось, для того чтобы добраться до места достаточно было выменять бензин всего у двух машин (НЗ запасных канистр мы не тратили)

Положительно то, что ни один из водителей не отказался делать обмен (по дороге в обе стороны).

Шофёры – казахи со мной не торговались, когда я предлагал им обмен один к пяти и сразу бросались со сливными приспособлениями к своим машинам. Это позволило подъехать к Алма-Ате с полными баками, так как заправочный

объём УАЗика составляет 78 литров, а максимальный расход бензина на бездорожье до 20 литров на 100 км пути.

К ночи, в конце долгого пути начали появляться какие-то признаки приближающейся столицы Казахстана....

Въехали мы в Алма-Ату, когда уже стемнело, но улицы светились и на них было немало народа. Благодаря этому (*навигаторов в то время не имелось, им являлся язык. Помните: язык до Киева доведёт?*), дом сослуживца Владимира Николаевича нашли сравнительно быстро.

Встреча учителя и ученика была радостно-искренней, а так как бывший инструктор оказался в настоящее время холостяком, то без лишних слов и сдерживающих факторов привели себя в порядок и перешли к застолью.

Полковники Горб и Петров помылись в душе и были готовы сесть за стол, а мне ещё надо было сменить повязку на голове. Это могло затянуть процесс, поэтому Петров предложил почистить снаружи повязку одежной щёткой (хорошо не сапожной). Выбора (и бинтов на смену) у меня не имелось...

Еды и деликатесов мы привезли с собой достаточно – должно хватить на пару дней (наш провиант в дорогу комплектовал щедрый начальник тыла Череповецкой бригады).

Спирта осталось очень много...

Бензина по нашим подсчётам в баках машины и в нескольких (всё же взятых с собой) канистрах должно было хватить на весь обратный путь и заезд на запланированную экскур-

сию в Медео.

Вследствие хорошей укомплектованности стола ограничений в радости общения боевых друзей (и примкнувших к ним меня с Петровым) не было.

Ближе к середине ночи в стены начали стучать возмущённые соседи. Владимир Николаевич и его учитель, сидя за столом в высотных, лётных шлемах (которые оказались дома у бывшего инструктора) не обращая внимания (а может, не слыша) горланили песни.

Я, было попытался призвать их к осторожности – как никак мы в Алма-Ате не совсем законно (вернее совсем не законно), но у лётчиков свои правила проведения праздников.

От меня просто отмахнулись...

Полковник Петров заснул в туалете при закрытых изнутри дверях, да так что было не достучаться. Это создало единственные неудобства в продолжении «праздника встречи».

Однако, банкет был прерван неожиданно в первые сутки и грозил серьёзными неприятностями, так как под утро к нам нагрянула вызванная соседями комендатура. Старший в группе подполковник, представившись через дверь, начал учить как мы должны себя вести. Вроде всё правильно, но не зная с кем имеет дело подполковник перешёл к угрозам.

Разъярённые лётчики незваных гостей в квартиру не пустили, поэтому офицерами комендатуры был арестован стоящий под домом череповецкий УАЗ, на котором мы добра-

лись в Алма-Ату.

После убийства комендатуры заместитель командира корпуса держался спокойно, я и полковник Петров переживали, понимая уровень нависших над нами неприятностей.

Только к обеду мы пришли в нормальное (для здравомыслящих действий) состояние и, понимая все возможные последствия произошедшего, поехали на городском транспорте освобождать машину.

На нашу беду день был выходной – воскресенье, руководство в комендатуре не находилось.

Получалось, что освободить машину и уехать нам потихому было практически невозможно!

Полковник Горб без (всякой боязни) позвонил коменданту Алма-Аты домой, но тот никак не мог сообразить, каким образом машина из Череповца оказалась в их городе. Сказал: ждите до понедельника и тогда он, выйдя на службу разберётся с происходящим.

А вот этого допустить было нельзя, так как наверняка всплыло бы то, что мы прибыли из Сары-Шагана с выполнения боевых стрельб. Можно не сомневаться – это чревато как минимум в масштабах войск ПВО.

Я и полковник Петров сникли.

Лично мне ситуация показалась безвыходной, патовой – скандала с серьёзными последствиями не избежать.

Однако, я совсем упустил из виду, то что лётчики народ дружный: полковник Горб и его инструктор начали искать

«своих» в местном армейском руководстве. Тех, кто сможет оказать содействие. Совсем не скоро, но всё же это у них получилось.

Именно благодаря тому, что наш заместитель командира корпуса нашёл товарища в руководстве армии – главного штурмана авиации, нас отпустили с миром. Комендант гарнизона разрешил забрать машину. Это было нереальным спасением от ожидавшей нас инквизиции.

Я, не желая больше искать приключений на наши задницы, но в то же время, являясь подневольным, предложил немедленно выехать обратно на полигон.

Однако, Владимир Николаевич, совершенно не впечатлённый только что произошедшими неприятностями возразил:

– «Анатолий Игоревич! Я же Вам обещал съездить на Медео! Я не знаю, когда ещё это сможет у нас получиться. Поэтому не будем откладывать в долгий ящик, скучая от бездельности, а едем прямо сейчас. К тому же я обещал, а раз так, то слово надо держать. Думаю, что это тоже будет приятная поездка (?!). Наверняка там будет тоже интересно...».

Я не стал возражать по поводу «тоже интересно» содрогаюсь от воспоминаний первой части нашего пребывания в Алма-Ате. Тем не менее, что правда – то правда: соскучиться в этой поездке было невозможно – это факт. Да и права на другое решение у меня не имелось. Оставалось только согласиться с желанием заместителя командира корпуса «сде-

лать мне приятное».

С содроганием за возможные варианты дальнейших событий я влез в машину.

Дорога оказалась не дальней и даже интересной. Посмотреть на Алма-Ату и пригороды (даже через стекло УАЗ) было любопытно. Вскарабкавшись ревущей машиной на высокогорное Медео, мы увидели ледяную жемчужину – прекрасно оформленный стадион. Он производил особенное, мощное, даже фантастическое впечатление своим холодным блеском покрытия при жаре +30° у подножья гор.

Спортивный комплекс Медео построен в горном урочище Медео на высоте 1 690 метров около города Алма-Аты в Казахстане. Медео являлся самым высокогорным комплексом в мире для зимних видов спорта с самой большой площадью искусственного ледового катка – 10 500 кв. м. Высокогорье и чистейшая вода для заливки льда способствуют достижению высоких результатов в конькобежном спорте.

Спортивный комплекс Медео

Минут десять мы с восторгом созерцали катающихся на коньках, но самим взять их на прокат и покататься в разряженном воздухе (после вчерашнего ужина) мне и Петрову даже не пришло в голову.

– «Вот теперь всё намеченное выполнено. Посмотрели Медео и с чистой совестью едем обратно» – принял решение заместитель командира корпуса.

На всякий случай я задал вопрос:

– «Разрешите уточнить – куда обратно».

– «А что, Анатолий Игоревич, у Вас есть желание ещё де-нёк отдохнуть в Алма-Ате?» – вполне серьёзно спросил Владимир Николаевич.

Желания у меня совсем не имелось....

Вокруг горнолыжного курорта было множество всякого рода незаконных торговцев как сувенирами, так и продукта-

ми. Сувениры нас не интересовали, а вот перекусить Владимир Николаевич предложил. Видя, что наша машина остановилась возле каких-то «чучмеков», которые из странного оранжевого цвета мяса (то ли из-за того, что оно кошачье, то ли от обилия перца) жарили шашлыки, я и Петров отказались.

– «Вы зря не пробуете такие вкусные, можно сказать, деликатесы. Они свершено не похожи на те, которые мы едим дома» – произнёс Владимир Николаевич, покупая два деревянных стержня с мелкими кусочками оранжевого мяса.

Петров и я понимая друг друга переглянулись – больше искать приключений на собственную задницу не хотелось, как в прямом, так и переносном смысле.

Добрались почти без проблем. «Почти» – потому что ночью, на подъезде к Сары—Шагану солдат – водитель заснул, и мы влетели в кювет. Машина зависла и упала на бок, но не перевернулась – спасло то, что кювет был мелковат. Вчетвером без особого труда мы её поставили на колёса.

Нейрохирургия

Череповецкая бригада после удачно проведённых стрельб начала загружаться на эшелоны, а полковник Горб, и я вылетели с аэродрома «Камбала» в Ярославль.

Прошло совсем немного времени после возвращения с полигона и чуть больше со злополучной операции на моей голове в Ярославском госпитале, как я начал чувствовать нарастающую боль в виске и левом глазу.

Я и жена провели консилиум и решили, что это последствия хирургического вмешательства в мой затылок. К врачу идти было некогда – с головной болью я выехал (в очередной раз) на стрельбы с Вологодским полком.

На полигоне я поведал о своей проблеме однокашнику – командиру полка Урузмагу Огоеву и выказал нежелание идти к живодёрам в госпиталь. Тот сказал, что начальник здравоохранения Вологодской области у него лучший друг и предложил приехать к нему на консультацию.

Голова болела, глаз дёргался, поэтому по приезду с полигона я так и сделал – приехал в Вологду.

Начальником здравоохранения Вологодской области было предложено мне лечь на диагностику (и очевидно последующую за тем операцией) в областную нейрохирургическую больницу.

Я согласовал такое решение с комкором генералом Май-

оровым, и он мне разрешил выехать на лечение в Вологду.

Через пару недель меня уже диагностировали в нейрохирургии. Множество всяких анализов и замеров не дали врачам возможности принять решение о причинах первой операции сделанной в Ярославле.

Тогда мне ввели в кровь изотопы и под каким-то колпаком посмотрели их движение. Что это дало – не знаю (врачи мне ничего не объясняли), но было принято решение: делать операцию.

Периодически меня навещал Урузмаг – полк его стоял под Вологдой, от больницы около двадцати километров.

Вечером, перед днём операции, он снова приехал и забрал меня к себе домой: расслабиться, отвлечься от проблем и поужинать.

Я, не подумав, согласился....

Застолье в разговорах и воспоминаниях о курсантской жизни продолжалось до трёх утра, затем Огоев отвёз меня обратно в больницу – надо было отдохнуть перед операцией. В здание меня долго не пускали – разбирались, кто я и как оказался вне палаты ночью. Дверь открыли только через полчаса после предъявления «пропуска» – бутылки водки и двух банок тушёнки, которые оказались у Урузмага в машине.

В десять часов утра меня повезли на операцию.

Сначала наркологи вставили мне трубки и начали вводить наркоз, он не действовал. Тогда они спросили меня, не употреблял ли я вечером алкоголь (можно было и не спраши-

вать — наверняка запах благородного коньяка, который мы пили с Урузмагом веял по своей операционной).

Вот такой французский коньяк мы с Урузмагом Огоевым употребляли в ту памятную ночь перед нейрооперацией

В память о моём безрассудстве Огоев после операции вручил мне одну из тех бутылок французского коньяка что мы употребляли в ту памятную ночь.

Я храню эту бутылку как свидетельство о том интересном времени.

«Немного» — сознался я.

Слава Богу операцию отменять не стали, но (как мне по-

том сказали врачи) дозу наркоза пришлось серьёзно увеличить....

Очнулся я через пять часов в палате. Тяжёлое состояние. Только помню, открыл глаза, вижу – всё передо мной плывёт. Плывёт и дверной проём, а в нём... стоит Анна!

Думал сон или наркоз ещё действует, а оказалось, что Урузмаг ей позвонил и сообщил о проведённой операции. Анна не выдержала и приехала. Операция в Вологде длилась больше четырёх часов.

Пролежал я в нейрохирургии около месяца.

Перед выпиской спросил у врачей, что у меня было. Ответили: с самого начала был обыкновенный жировик (липома), но это поняли только после проведения повторной операции и взятия анализа на гистологию. Пояснили что здесь, в Вологде, меня так долго обследовали, думая, что при первой операции хирурги увидели что-то очень серьёзное, такое, что не смогли сами прооперировать.

Врачи проговорились о том, что меня чуть не покалечили в госпитале во время предыдущей операции: рассекли липому как фурункул, а не вырезали её капсулу. Затем (что им вообще не понятно) – не сделав ничего, зашили затылок.

И это ещё не всё: в военном госпитале Ярославля эскулап-пенсионер сделал недопустимо глубокий разрез, повредив нерв – нейрохирургам пришлось его сшивать.

Может и так – не знаю...

Однако точно одно: врачи областной нейрохирургической больницы сделали своё дело великолепно – глаз дёргаться перестал, прошли и головные боли.

Рассказывая о лечении в Вологде нельзя не рассказать об интересных соседях по палате в нейрохирургии.

В палате, где я лежал кроме меня находилось четыре человека, но двое были обычными, как-бы «безликими» и мне не запомнились. А вот двоих я запомнил отлично.

Первый был заслуженным учителем – поджарый в возрасте человек лет около шестидесяти по имени Пётр Иванович. Он обычно сидел, упершись тяжёлым взглядом в стену, думая о чём-то своём, и не реагировал на разговоры в палате. Изредка он доставал из тумбочки пачку каких-то лекарств и несколько штук высыпал себе в рот запивая водой. Вскоре я узнал – его мучают страшные головные боли из-за того, что у него в голове образовалась какая-то опухоль. Врачи его обследуют для принятия решения о дальнейших действиях. Ежедневно к нему приходила жена – щуплая, просто одетая женщина. Она садилась рядом с мужем, и перекинувшись парой фраз, они замолкали. Просидев около часа, женщина уходила, оставив мужа в той же позе в какой она его застала.

Мы (остальные четверо в палате) были молодыми, жизнь казалось вечностью, и мы просто не понимали, что происходит в душе этих двух пожилых людей...

Второй человек из нашей палаты, который мне хорошо запомнился – молодой вологодский парень был золотоискате-

лем.

Он проработал в Якутии на добыче золота пять лет. Эта профессия и особенности добычи золота меня интересовали, и я много расспрашивал его о его работе на приисках, благо обстановка позволяла это делать.

Парень рассказал мне обо всей опасности, интриге и тяжести добычи жёлтого металла. Узнав, что я военный и подполковник – Виктор (так его звали) меня зауважал, и я стал для него авторитетом.

Позже я узнал, что я стал для него неоспариваемым лидером не только за моё воинское звание, а за то каким именем я его назвал.

А дело было так. Однажды я сказал, что он ведёт себя как Че Гевара. Парень насторожился и замкнулся, очевидно, думая, что это какое-то оскорбление. Я его обиду понял не сразу – кто в те времена не знал, кто такой Че Гевара?

Пришлось ему рассказать о товарище Че.

Объяснил, как мог что Эрнесто Че Гевара латиноамериканский революционер, коменданте Кубинской революции 1959 года. Друг Фиделя Кастро (Виктор о нём слышал).

Объяснил, что я назвал его именем этого революционера потому, что Че Гевара был решительным парнем со своими убеждениями. Он даже выдвинул новую теорию революции: она придавала особое значение небольшим группам революционеров, способным на радикальный политический поворот.

Очевидно, я рассказал толково, так как заинтересовал Виктора хорошо раскрыв героическую сущность революционера.

На следующий день по его требованию друзья принесли книгу о кубинце, прочитав которую он потребовал всех в палате называть его не иначе как Че Гевара. Приходившие друзья стали обращаться к нему таким же образом.

Деньжат у новоиспечённого товарища «Че» было много и, конечно, было много друзей, желающих вместе с ним потратить заработанное. Каждый день золотоискателю приносили огромное количество еды, он делился, и наша палата ужинала «до отвала».

Именно в Вологодской больнице я впервые попробовал копченую курицу – она мне очень понравилась. Пошутил, что таких кур я бы съел много – килограмм десять. На следующий день мешок копчёных цыплят был доставлен друзьями «Че» в нашу палату. Мы вечерами с удовольствием их уминали, а по субботам и воскресениям даже запивая хорошим вином (поставки осуществлялись всё теми же друзьями «Че»).

Как-то на рассказе золотоискателя сопалатники по больнице акцентировали внимание на том, что артелью «мылось» золото, безвыездно из тайги по два года. Естественно, что мужиков заинтересовал серьёзный вопрос: как они обходились без женщин.

Вот что рассказал Виктор.

– «У нас была одна женщина на девять мужиков, работала поваром – начал он своё повествование – к ней все ходили «за этим делом». Проблема для меня заключалась в том, что она брала с мужиков золотом, причём слитками, а у меня их не было. Ребята давали ей тонкие золотые пластинки размером около квадратного сантиметра. Где они их брали я не имел никакого представления и даже не мог вообразить откуда их берут. От меня это члены бригады держали в строгой тайне. Я работал с ними недавно, был самый молодой, и мужики, посмеиваясь надо мной, говорили:

– «Мы бережем твоё целомудрие! Рано ещё тебе за такие услуги рассчитываться золотом»».

При этих словах Виктора в палате начали хихикать, а один из молодых парней сразу стал выражать золотоискателю соболезнование. Тот прервал его на полуслове:

– «Да подожди ты! Дай дорассказать. Всё тайное когда-то становится известным. В этом случае тоже так случилось. Как-то, после сильного запоя я решил вывести у одного из мужиков, где они берут золотые пластины для поварихи. Конечно, я знал то, что самородки выглядят не так, да и мы занимаемся тем что намываем золотой песок. В руках эти пластины я не держал, но думал, что может мужики каким-то образом золотой песок прессуют.

При работе может и повезёт найти самородок, но «замылить» (украсть) его не так просто – на каждом прииске у добываемого металла своя проба».

Виктор пояснил, что в добываемом золоте обычны примеси серебра, меди, железа, свинца, ртути, платины, марганца и других металлов. В разных местах разработок пропорция отличается.

Вот по составу этих примесей могут найти в каком районе и даже прииске произошла кража.

И вообще – с самородками шутки плохи: за ними ведётся специальный контроль и учёт. Быстро найдут и посадят.

– «А вот с золотыми пластинами всё оказалось до смешного просто – продолжил свой рассказ Виктор – тот, кого я спрашивал расслабился от спирта и «пожалел» меня. Он посоветовал сходить в подполье мастерской – там в одном из ящичков (сказал каком) взять самородок и тоже посетить повариху.

Я с интересом ждал возможности попасть в мастерскую (на прииске тоже существуют свои порядки). Не знаю, что меня больше интересовало: самородки или повариха. Когда мне такая возможность представилась я залез в подполье и открыл указанный ящик.

То, что я увидел, привело меня к приступу смеха. Я увидел распиленный на пластинки... латунный самовар! – так закончил один из своих рассказов о жизни золотоискателей «товарищ «Че».

Всё же надо рассказать, как закончилось пребывание в нашей палате заслуженного учителя Петра Ивановича. Груст-

но закончилось...

Как-то на одном субботнем ужине к нашей компании неожиданно он решил присоединиться. Мы удивились – он до этого никогда себе этого не позволял и даже не участвовал в наших разговорах. И в этот раз он не выпил предложенного вина и только изобразил что что-то ест. Все настороженно недоумевали, но вдруг он заговорил, обращаясь сразу ко всем:

– «Ребята, мне врачи предложили делать операцию по удалению опухоли. Слабоват я для таких дел. Я и жена не знаем, что делать, детей у нас нет – спросили бы... Что бы вы сделали на моём месте?». Его вопрос вогнал всех в недоумение – ну что мы можем посоветовать и вообще – кто мы такие? Однако молодость и уверенность в завтрашнем дне постепенно развязала всем языки:

– «Надо делать.... Конечно, надо оперироваться... С дикой постоянной головной болью нельзя жить... Всё будет хорошо Врачи здесь ассы сделают всё как надо!».

Ребята приводили примеры из собственного опыта пережитых операций, рассказывали разные случаи из жизни друзей и родственников. Всё заканчивалось удачно – люди выздоравливали. Результатом нашего разговора стал только один вывод – надо соглашаться на операцию.

Такого же мнения придерживался и я. Операция в Вологде у меня была седьмая по жизни и самая сложная. Все операции (кроме госпитального эскулапа) закончились хорошо,

и я был уверен – здесь в нейрохирургии Петру Ивановичу сделают всё как надо.

Он слушал нас молча, но в его глазах скользила какая-то грустная неуверенность и даже безысходность. После ужина Петр Иванович поблагодарил нас за поддержку и сказал, что очевидно мы правы – надо соглашаться на операцию.

Пару дней жизнь в палате продолжала бурлить шутками, рассказами, анекдотами, воспоминаниями. Хоть и серьёзная больница нейрохирургия, но молодость брала своё – о плохом мы не думали – его просто не могло быть!

Те, кому уже сделали операцию постепенно приходили в себя и рассказывали, что это совсем не страшно. Те, кому она предстояла, конечно побаивались, но прятали свои страхи под излишней возбудимостью.

Заслуженного учителя Петра Ивановича прооперировали через двое суток, во вторник после того субботнего ужина.

В палату он не вернулся...

Когда пришла жена Петра Ивановича чтобы забрать оставшиеся в палате вещи – мы не могли смотреть ей в глаза. Понимали – мы не при чём, но всё же было как-то не по себе....

Часть 3

*Людей давно уже делю —
По слову, тону, жесту, взгляду —
На тех, кому я сам налью,
И тех, с кем рядом пить не сяду*

Управление корпуса ПВО

Обстановка в корпусе – не обстановка в полку: выше уровень должностных отношений и ответственности. Ошибки в действиях весомее, а боязнь ответственности за принятое решение, порой приводит к непорядочности.

Я, не имея опыта, первоначально не мог ориентироваться в таких взаимоотношениях. Иногда это приводило к внутренним обидам, которые я никому не показывал.

Первый урок «отношений» мне преподавал начальник радиотехнических войск корпуса полковник С* (хороший человек с которым мы далее прекрасно ладили, в последствии генерал, но увы – этот случай имел место).

Это произошло в тот период, когда я остался за начальником зенитно-ракетных войск.

При разборе одного из тактических учений корпуса, (после отражения налёта авиации «противника») сообщили, что войсками ЗРВ не был «сбит» один самолёт. Комкор начал меня ругать, но я возразил, что эту цель войска РТВ не сопровождали и не выдавали нам для уничтожения.

– «Как не выдавали!? – возмутился полковник С* – вот товарищ генерал (это он Комкору) данные проводки с огневого планшета – цель мы сопровождали и выдали ЗРВ!».

Начальник радиотехнических войск корпуса не учёл, что я к этому времени тоже был не лыком шит: смог доказал

Комкору фотографиями фотоконтроля, что цель радиотехнические войска нам не выдавали, а на огневом планшете её курс операторы подрисовали позже.

Комкор полковнику С* за эту неправду «ввалил» очень серьёзно. Особенно его возмутил ложный доклад. С* объяснил командиру корпуса, что это сделали его подчинённые которые, обманули его самого, дорисовав маршрут пропущенной цели.

Сказал, что он такого больше не допустит.

После разбора полётов он подошёл ко мне и произнёс:

– «Тёзка (его звали так же, как и меня), зря ты так. Ты только пришёл в корпус и стоишь здесь одной ногой, а я стою твёрдо. Не толкайся, а то упадёшь!».

Не правда ли – образно сказано?

Конечно, начальнику радиотехнических войск было обидно что он опытный руководитель оказался в такой ситуации и этому содействовал я только что пришедший на должность.

Полковник С занимал должность начальника радиотехнических войск корпуса, когда я ещё был командиром дивизиона в Череповце.*

Тем не менее, время выровняло ситуацию – мы с полковником С* сработались. Проводили не раз учения и выезжали на стрельбы в Сары – Шаган. Вместе в корпусе мы прослу-

жили где-то с полгода, а потом он ушёл на повышение в другую часть, где получил звание генерала.

В корпусе такого товарищеского отношения как в полку не было. Конечно, был армейский костяк – дружный и чётко выполнявший поставленные задачи. Однако, находились и некоторые офицеры, существующие негласно вне этого костяка «сами по себе», а некоторые даже «только для себя».

У меня долго не проходила обида на полковника – начальника медицинской службы корпуса.

Вроде он был не вредным человеком – весельчаком и прекрасно рассказывал анекдоты. Мы часто пересекались вне службы, пару праздников проводили вместе – он был душой компании. При моём посещении полков подчинённые офицеры жаловались, что помощи от него никакой, но я в деятельность начальника медицинской службы не встречал – не мой участок.

Но однажды мне лично пришлось столкнуться с ним как с медиком, и....

В тот период, когда я оказаться в госпитале и был неудачно прооперирован, то участие проявило всё руководство корпуса.

Звонили и интересовались положением дел Комкор генерал Майоров, его заместитель, начальник политотдела. Многие из сослуживцев навещали, даже приезжал однокашник – командир Вологодского полка – Урузмаг Огоев.

Единственный кто не оказал мне никакой помощи – на-

чальник медицинской службы. Он даже не выписал мне направление на лечение. Дело дошло до того, что в госпиталь пришлось звонить заместителю командира корпуса и дать соответствующую команду (он мог это сделать, так как был одновременно и заместителем начальника гарнизона).

Правда, потом он не забыл при мне вызвать начальника медицинской службы и в бешенстве сказать:

– «Полковник! Вы ведёте себя по-свински!

Вы эгоист и человек совершенно безразличный к людям, что для врача вообще недопустимо. И вообще: плох тот врач, которому свой мизинец дороже хрена соседа!».

С остальными начальниками служб корпуса у меня сложились неплохие отношения. Все они были старше меня, почти все полковники и в отношениях со мной использовали «назидательно-отеческое поучение». Я реагировал на это спокойно, тем более основная часть из начальников служб прошла серьёзную армейскую школу и имела огромный опыт работы. Были и другие, но... о них не стоит даже вспоминать.

Сила партии

Во время моей службы в корпусе был очень сильный (моё мнение) начальник политотдела – полковник Зарин Николай Фёдорович. Он сумел «приподнять себя» над первым заместителем комкора и начальником штаба генералом Кабановым.

Н. Ф. Зарин

Полковник Зарин Николай Фёдорович

Был (сейчас так называют) «первым среди равных». Это чувствовалось во всём и это видели все офицеры корпуса, но очевидно выровнять ситуацию другим заместителям комкора не удавалось. А может они этого и не хотели – уж очень была сильна руководящая роль партии

При проведении совещаний управления корпуса команда «Товарищи офицеры» подавалась при входе в зал любого заместителя командира корпуса, который входил первым.

Зарин поставил дело так, что даже если в зале уже находился кто-то из заместителей и ему команда ранее подавалась, то при его входе в помещение кто-нибудь из политработников управления корпуса подавал команду повторно. Офицеров это коробило, но...

Вот как вспоминает такое нарушение устава со стороны начальника политотдела корпуса полковник Марьян Гриневецкий.

«В конце 1997 г. меня перевели в управление 3 корпуса ПВО на должность старшего инженера службы ракетного вооружения. Лично для меня это особой радости не доставило, так как должность заместителя командира полка по вооружению нравилась больше. Но обозначились семейные обстоятельства: ближайшая средняя школа располагалась от полка в 30 км. Дети наши учились в 8-летней школе в 5 км от городка. В деревенской школе учителей не хватало, работали там совмещая предметы обучения.

По прибытии в управление корпуса через неделю меня назначили дежурным по управлению. Система назначения нарядов была следующая: на службы и отделы выдавались числа для заступления дежурным по управлению и помощником дежурного. В результате этого оказалось, что дежурным был назначен я, майор, а помощником у меня был подполковник Крошка Николай Борисович. Так как я заступал первый раз, то предложил Николаю Борисовичу заступать

пить дежурным, на что он, хитро улыбнувшись, отказался. Утром я встретил командира корпуса генерала Майорова, доложил согласно Инструкции о происшествиях в корпусе и выявленных замечаниях.

Командир остался доволен.

После встречи командира корпуса подполковник Крошка сказал мне, что он пошёл на завтрак и напомнил, чтобы подал команду «Смирно» генералу Зарину (начальнику политотдела). Я подумал, что он меня разыгрывает. По прибытии Зарина я ему представился. Зарин за руку не поздоровался и сразу начался разнос: обязанности я не знаю и т.д., и т. п. На его вопрос, почему я не подал команду «Смирно» я ответил, что команда подаётся согласно устава и инструкции командиру, а заместителям дежурный представляется. Зарин разозлился окончательно, сказал, что он представитель партии и несёт ответственность за состояние дел наравне с командиром, приказал идти к начальнику ЗРВ и доложить, чтобы он меня наказал. Я пошёл к полковнику Е. А. Болтову и доложил, чтобы он по приказу Зарина меня наказал. Узнав в чём дело, Болтов сказал, что начальнику политотдела не положено подавать команду. Я предложил, чтобы он сам об этом Зарину сказал, и спросил, что сказать, если Зарин спросит, как меня наказали. Болтов тяжело вздохнул и сказал:

— «Скажи, что наказал, а за что — сам придумай. В карточку я ничего записывать не буду». После этого у меня

твёрдо укрепились мнение о представителях партии в войсках.

Этот вопрос возникал постоянно, воздействовать на Зарина никто не мог.

Как-то в курилке мы спросили у начальника штаба, всеми уважаемого генерала Г. А. Кабанова, как можно отучить Зарина от такого чванства, на что он ответил:

— «Мужики, ну ведь я у вас не требую команду подавать мне. А что я могу с ним сделать? Лучше не связывайтесь с...».

Интересный случай был, когда со мной на полигон Сары-Шаган полетел начальник штаба корпуса генерал (авиации) Геннадий Александрович Кабанов. Очень порядочный и очень эрудированный человек.

Г.А. Кабанов

Начальник штаба корпуса генерал (авиации) Геннадий Александрович Кабанов

Мы (как начальство) разместились в гостинице полигона, а не в боевых порядках полка.

Возвращаясь после рабочего дня в меру «плотно» ужинали. А после ужина генерал Кабанов садился и конспектировал работы основоположников марксизма-ленинизма!

Я удивился:

– «Ну, понятно, мы – офицеры – некуда деться, он же генерал, а занимается ерундой. Кто ему что скажет если он не будет переписывать работы Ленина!»

Геннадий Александрович со свойственной ему выдержкой и спокойствием мне ответил:

– «Анатолий Игоревич! Из-за этой как вы выразились „ерунды“ могут у меня быть совсем не ерундовые неприятности. Перед политической инквизицией все равны кроме инквизиторов!».

На следующий день я попросил командира Переславль-Залесского полка (мы находились на полигоне с этим полком) подполковника Володю Шапаря выделить мне одного солдата с более – менее хорошим почерком. Желательно со средним образованием. Вечером привёл его к нам в номер и попросил Кабанова показать, что ему надо переписать из работ основоположников марксизма-ленинизма.

Когда солдат вооружённый томиками классиков и рабочими тетрадями ушёл конспектировать, Геннадий Александрович выразил море восторга:

– «Как я сам не догадался так сделать! Сколько уже поте-

рял времени!».

Я ему рассказал, что в конспектах марксизма-ленинизма, которые написал ещё в училище до сих пор меняю только название работ, которые надо конспектировать, не меняя текст. Всё равно никто не сверяет содержание.

– «И что удаётся проскакивать проверки?» искренне удивился генерал.

– «После училища не одной работы не переписывал, а аккуратно менял их названия. Всё сходило с рук» – с гордостью констатировал я.

К концу полигонных стрельб у генерала Кабанова было три тетради с конспектами ленинских работ, рекомендуемых к изучению политотделом. Он был несказанно доволен.

Про остальных штабистов я даже не говорю: у них с приходом Зарина в корпус сникли головы, а политработники почувствовали себя людьми.

Боевые стрельбы зенитно-ракетными войсками на полигоне для корпуса были очень важны – итоговая оценка выставлялась не выше чем за выполнение боевой задачи. За каждый выезд я отчитывался лично перед командиром корпуса. Видя влияние начальника политотдела, я понял «важность участия партии» в жизни зенитно-ракетных войск корпуса и после доклада командиру стал делать доклад и полковнику Зарину, хотя это было совсем не обязательно.

Ему это очень понравилось, а так как я был исполняющим обязанности начальника ЗРВ, то я начал еженедельно делать

ещё один доклад: о положении дел в частях ЗРВ. Одновременно я его подталкивал к решению тех вопросов, для которых у меня не хватало власти. Не знаю чувствовал – ли он что я потихоньку пользуюсь его влиянием и поддержкой, но это мне помогало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.